

Глава 878: Хуай Жэнь Соломенной Хижины

Ведя беседу, группа достигла скалы.

На этой скале росло несколько сосен, а также с нее стекало несколько тоненьких водопадов, разбрызгивая повсюду капли.

Перед скалой было большое плато. Оно было очень плоским и простиралось так далеко, что нельзя было увидеть его края, из-за чего оно казалось больше похожим на равнину, чем на плато.

Это плато было покрыто деревьями, и если зайти глубже, можно было увидеть больше расцветающих деревьев. За этими цветущими деревьями были бесчисленные здания. Вид черных карнизов и белых стен, выглядывающих через деревья, был довольно прекрасным.

Видя легендарный Храм Южного Ручья, Ху Тридцать Два нашел его отличным от Дворца Ли и был преисполнен восхвалением. Танг Тридцать Шесть, однако, подумал о чертоге предков Города Вэньшуй и Горе Куриц-Ворон снаружи, впадая в задумчивое настроение.

Они прошли через зеленые и цветущие деревья, прошли по извивающемуся пути сырых камней, и прибыли к Храму Южного Ручья.

Группа преодолела церемониальный холл, прошла через несколько маленьких садов, мимо нескольких библиотечных павильонов, и пришла к самой глубокой части комплекса, где увидела соломенную хижину.

Вокруг этой соломенной хижины было много монолитов. На этих монолитах были видны клочки мха, но они не могли скрыть линии, глубоко высеченные на их поверхности.

Танг Тридцать Шесть и Ху Тридцать Два оба бывали в Мавзолее Книг, рассматривая монолиты и познавая дао. Они с первого взгляда смогли узнать, что эти монолиты были копиями Монолитов небесных Томов.

Это не были простые и грубые модели. Монолиты излучали ауру изношенности времени, выглядя одним целым с соломенной хижинкой, создавая собственный маленький мир. Это была сцена, вызывающая трепет и уважение.

Несмотря на фривольный характер Танга Тридцать Шесть, прибыв в такое место, он стал намного тише, и был обеспокоен, что со скрытым Чжэсю может что-то произойти.

В соломенной хижине было выложено три молитвенных коврика. Свет устремлялся вниз через цветное стекло, установленное в крыше. Эти лучи никоим образом не были тусклыми, ясно позволяя видеть, что было внутри.

Даосская монахиня в черном одеянии, которую они встретили у горных ворот, сидела на молитвенном коврике, расположенном на левой стороне. У нее все еще было холодное выражение лица, и когда она увидела Танга Тридцать Шесть, вошедшего в хижину, в ее глазах появился оттенок злобы.

Даосская монахиня в фиолетовом одеянии сидела на молитвенном коврике по правую сторону. У нее были прямые, толстые брови и непреклонные глаза. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять ее вспыльчивый нрав.

Даосская монахиня, сидящая на центральном молитвенном коврике, была в белой храмовой форме. У нее было теплое и мягкое выражение лица, а ее глаза были ясными, как подвижные осенние воды. Она излучала любезную и сердечную ауру.

Но когда Танг Тридцать Шесть увидел эту монахиню в белом одеянии, он был настороже, вмиг угадав, что она была владельцем голоса, услышанного ими ранее.

Его чувство было связано не с тем, что на ней была белая одежда, цвет, больше всего почитаемый Пиком Святой Девы, а из-за ощущения от самого человека.

Е Сяолян рядом с ним мягко сказала несколько слов, поклонилась трем даосским монахиням, после чего отступила назад.

Танг Тридцать Шесть узнал, что даосской монахиней в фиолетовом одеянии была Хуай Шу, а даосской монахиней в белом - Хуай Жэнь.

Хуай Жэнь тепло сказала: «Молодой Хозяин Танг и Архиепископ Ху, пожалуйста, присядьте».

Танг Тридцать Шесть и Ху Тридцать Два послушно сели на молитвенные коврики, предназначенные для гостей.

Хуай Жэнь посмотрела на Танга Тридцать Шесть и спросила: «У Старого Хозяина Танга хорошо идут дела?»

Танг Тридцать Шесть ответил: «Он в порядке и не умер. Но так как я жив, он не очень доволен».

Весь континент знал, что случилось в Городе Вэньшуй, но никто не думал, что он раскроет это, и что он станет так неуважительно говорить о Старом Хозяине Танге.

Хуай Би ухмыльнулась при этих словах, а Хуай Шу подняла брови. Она определенно была недовольна его словами.

«Молодой Хозяин Танг, хорошо сказано. Пока человек жив, ничто не может быть лучше», - Хуай Жэнь улыбнулась, говоря Тангу Тридцать Шесть.

Танг Тридцать Шесть понимал, что эта старейшина Храма Южного Ручья хотела сказать.

Пока Старый Хозяин Танг все еще был жив, клан Танг был кланом Танг Старого Хозяина Танга. Его предыдущая угроза Храму Южного Ручья у горных врат, естественно, не будет осуществлена.

«Верно, жизнь - это и правда прекрасно, но кто-то такой, как мой второй дядя, определенно так не подумает, потому что он мертв».

Танг Тридцать Шесть серьезно сказал: «Это действительно то, чему стоит радоваться».

В каком клане человек будет радоваться, что его дядя умер?

Даже если весь мир знал о проблемах между ним и Вторым Хозяином Тангом, разве не было неправильно так говорить?

Брови Хуай Шу поднимались выше и выше, а злость на ее лице была все более и более очевидной. У нее был вспыльчивый характер, и она считала зло своим личным врагом, и

больше всего она презирала подлецов, которые не уважали различий в старшинстве.

Хуай Жэнь оставалась умиротворенной, но сейчас она смотрела на Танга Тридцать Шесть более неопишным взглядом.

Она тоже понимала, что говорил Танг Тридцать Шесть.

Она хотела сказать Тангу Тридцать Шесть, что он сам не сможет угрожать Храму Южного Ручья. Танг Тридцать Шесть парировал, сказав ей, что Второй Хозяин Танг был мертв, и что он выиграл войну наследия клана Танг. Клан Танг действительно был кланом Старого Хозяина Танга, но в будущем он перестанет им быть.

Из пожертвований, которые Храм Южного Ручья получал каждый год, большая часть подавалась кланом Танг.

Но это было не самым важным. Ключевая проблема была в том, что Храм Южного Ручья, его неисчислимы подчиненные секты, и их сельскохозяйственный бизнес по большей части были связаны с кланом Танг.

Многие секты делали это. Если они не вели дела с кланом Танг, они должны были вести дела с кланом Цюшань, кланом У или кланом Муту.

Культивация всегда была большим бизнесом.

Учитывая статус Храма Южного Ручья в мире культивации, когда его старейшины выбирали делового партнера, они, естественно, выбрали кандидата с лучшей репутацией, самой большой историей: клан Танг.

Кто мог ожидать, что через столько лет преемник клана Танг будет использовать их партнерство, чтобы угрожать Храму Южного Ручья?

Хуай Жэнь не продолжала вести эту тему с Тангом Тридцать Шесть, вместо этого спрашивая: «Где компаньон Молодого Хозяина Танга?»

Речь, естественно, шла о Чжэсю, что означало, что Храм Южного Ручья все время знал о его присутствии и, возможно, присматривал за ним в этот самый миг.

Танг Тридцать Шесть был благословлен очень толстой кожей, так что спокойно спросил: «О чем говорит Ваше Преподобие?»

Хуай Жэнь улыбнулась, ничего не думая о его ответе. Она повернулась к Ху Тридцать Два и спросила: «Где Его Святейшество Поп? Ученицы храма желают получать учения Его Святейшества настолько быстро, насколько это возможно».

Эти были очень тактичные слова, и очень вежливые, но ручная работа была не очень изысканной, и было немного смешно, насколько неуклюже была построена эта фраза.

Но смысл ее слов был достаточно ясным. Хотя все говорили, что Храм Южного Ручья произошел из Ортодоксии, и хотя Поп был самым почитаемым человеком, вход без предварительного сообщения все еще был неуместным.

Хотя у Ху Тридцать Два тоже была очень толстая кожа, он знал, что сейчас было не время для безрассудства. Он указал в сторону и сказал: «Его Святейшество, вероятно, отправился на

вершину».

Море облаков лежало за той скалой, а среди тех облаков можно было смутно разглядеть уединенную вершину, Пик Святой Девы.

Услышав это, даосские монахини, сидевшие по бокам, вмиг были ошеломлены, особенно Хуай Шу в пурпурном одеянии. Она яростно закричала: «Абсурд! Святая Дева в настоящее время в уединенной культивации и сейчас в самом ее важном моменте. Для всех запрещается тревожить ее, иначе это может вызвать отклонение в ее культивации. Кто может понести эту ответственность! Что Поп планирует делать!»

Танг Тридцать Шесть ответил: «Услышав про внутреннюю борьбу в Храме Южного Ручья, Его Святейшество Поп заволновался о безопасности Святой Девы. Он преодолел большое расстояние без сна и отдыха, чтобы навестить ее. Как это может быть неуместно?»

Хуай Би ухмыльнулась: «Когда это мой Храм Южного Ручья страдал от какой-то борьбы? У безопасности Святой Девы, естественно, есть наша поддержка, и нам не нужна забота чужаков».

Танг Тридцать Шесть спросил: «Я слышал, что Сяо Чжан прибыл к Пику Святой Девы несколько дней назад?»

Хуай Жэнь подняла руку, приказывая своей младшей сестре не говорить. Она спокойно ответила: «Верно».

Танг Тридцать Шесть уставился ей в глаза и спросил: «Почему он в итоге не смог подняться на гору?»

Три года назад, когда снег падал над столицей, Сяо Чжан орудовал копьем на берегу Реки Ло и ранил тяжело раненого Ван По.

С того мгновения, независимо от того, желал ли Сяо Чжан или нет, весь континент относился к нему, как к могущественному союзнику Ортодоксии и Чэнь Чаншэна.

Имперский Двор преследовал его целых три года по этой причине.

В свой худший момент он прибыл на Пик Святой Девы для временного укрытия, но его прогнали.

Может ли быть, что Пик Святой Девы больше не считал себя союзником Дворца Ли?

<http://tl.rulate.ru/book/1222/278800>